

The background is a teal color with a repeating pattern of white icons. The icons include various flowers (some with leaves), rings, and a teacup with steam. The text is centered in a dark teal rounded rectangle.

Татьяна П. Крылова

Уютные
истории

#современная проза

Татьяна Крылова

Уютные истории

<https://litres.ru/51693070>

SelfPub; 2026

ISBN 978-5-532-99849-0

Аннотация

В сборник Татьяны П. Крыловой Уютные истории вошли рассказы, написанные в разные годы. Герои этих рассказов - люди, которые нас окружают. Любовь и ненависть, радость и печаль, счастье и беда - калейдоскоп событий и эмоций, прекрасный и разнообразный, как наша жизнь, непременно найдет отклик в душе каждого читателя!

Сборник Уютные истории - вторая редакция сборника Истории про жизнь, сборника рассказов в жанре современной прозы.

Содержание

Человек по имени Андрей	4
До востребования	38
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Татьяна Крылова

Уютные истории

Человек по имени Андрей

— Глупость выдумали, — ворчала старая Марфа Григорьевна, сидя на высокой перине, положенной на скрипучее металлическое основание старой кровати. — Ну что за имя — Андрей? Ну какое житье мальчику с ним будет? Несчастливое имя... Неласковая судьба...

— Нормальная судьба у него будет, — раздраженно отвечал Марк — отец того самого ребенка, имя которого стало яблоком раздора среди родных. — А глупости? Это ты, ба, глупости говоришь.

Спор длился уже больше часа, и ни одна из сторон уступить не хотела: ни старая Марфа Григорьевна, ни внук ее Марк.

Вероятно, Людмила, жена Марка и мать его сына, могла что-то переменить, но девушка помалкивала, сидя на лавке в дальнем углу с малышом на руках. Подлизываться Людмила никогда не умела, так что занять сторону Марфы Григорьевны никак не могла. Пойти против старухи и поддержать мужа опасалась. Марфа Григорьевна и без того на нее всегда с неодобрением поглядывала. С тех самых пор, как Марк

«городскую» в избу привел, так и... Нет, не невзлюбила, но и расположения своего не выказала, мол, не ее дело, на ком внук женился, не ей с девицей жить-мучиться.

Про себя же Людмила думала, что имя они с Марком сыну хорошее выбрали, красивое. Да и, вообще, какая разница, какое именно? Не в имени ведь дело было, а в том, чтобы мальчик человеком вырос порядочным. А от имени в этом деле ни проку, ни вреда быть не могло.

Однако Марку было важно, чтобы старая Марфа Григорьевна хотя бы рукой махнула на него, мол, делай как знаешь. Поэтому спор продолжался до самой ночи, пока не вымотал всех участников. Пока сам Марк не махнул на бабушку рукой и не велел Людмиле собираться домой.

— Куда вы на ночь глядя? — возмутилась старуха. — Отдохните, с утра поедете.

— Спасибо, ба, но нет. Правнука поглядела, внука с невесткой поругала — на том и закончим. К тому же у меня завтра утром дела в городе.

— Дела, дела... — скривилась старуха. — Вона уже каких дел натворили, — кивнула она в сторону младенца.

Марк оскорблено поджал губы и вышел прочь, не сказав ничего на прощание. Людмила подхватила сына, сумку. Замялась, подбирая слова, но, так ничего и не придумав, просто обронила:

— Доброй ночи.

— Ой, доброй ли? — прошептала Марфа Григорьевна. —

Ой, недоброй...

Но молодые родители этого уже не слышали. К их спокойствию. Ведь, как ни старался Марк списать всю глупость бабкиных суждений на почтенный возраст и недостаток образования, а даже он вынужден был признавать, что взгляд у старухи был особенный. Не злой — сглазить Марфа Григорьевна никого не могла. Внимательный, видящий — как-то умудрялась старуха в людях самое главное разглядеть.

«Неласковая судьба... Несчастливое имя...» — всю обратную дорогу до города крутилось у Марка в голове.

— А что если... — отважился он наконец...

Но поздно уже было. Притомилась Людмила: укачало ее в автобусе на сельской дороге, и уснула девушка, крепко прижимая к себе драгоценный комочек с таким же крепко спящим младенцем.

— Нет. Оставим все как есть. Метаться — того хуже, — решил Марк.

Больше разговоров об имени в семье не случилось. Однако в мыслях молодого отца то и дело мелькали слова Марфы Григорьевны. Поздно пополз мальчик. А не потому ли, что имя помешало? Поздно первое слово сказал. Не имя ли тому виной? В саду Колькин сын, Илья, Андрюшу поколотил, а Андрей даже сдачи не дал. Не потому ли, что...

Лишь после того, как Андрей пошел в школу и закончил первый класс тревоги отца немного улеглись. В ведомости у мальчика были одни пятерки! И никто в классе больше та-

ким похвастаться не мог. Даже Илья!

— Зато мой на окружных соревнованиях первое место по бегу взял! — стукнул себя в грудь Колька, встретив Марка в подъезде и узнав о радости соседа.

— Тоже хорошо, — кивнул Марк.

А про себя подумал, что если бы Людмила не дала сыну карманных денег, если бы не наелся он мороженого перед школьными соревнованиями, если бы больше тренировался, то смог бы подняться выше пятого места — войти в тройку лидеров, попасть на окружной забег и...

— Да, нет. Везде поспеть нельзя. Если бы он к соревнованиям готовился, не стал бы лучшим учеником в классе. Илья-то пишет, словно курица лапой, а Андрюха — каллиграф!

Придя домой, Марк подумал, что будь жива старая Марфа Григорьевна, он непременно бы поехал к ней в выходные и похвалился успехами сына. И пусть бы только попробовала завести свое «неласковая судьба» да «несчастливое имя»! Однако прошло уже три года, как бабка померла.

— И правнука она так и не увидела ни разу, кроме того, самого первого, когда и полдня мы с Людой в деревне не пробыли.

Воспоминания о родном человеке, деревенском доме и просторах за покосившейся оградой вогнали Марка в тоску. Он с трудом дождался жены с работы и немедленно предложил ей провести отпуск в деревне.

— Так мы же в санаторий хотели. В сосновый бор, чтобы Андрей...

— Ерунда это все! Я каждое лето в деревне проводил, и здоровье крепкое было. Крепче, чем после всяких ваших санаториев!

Спорить Людмила не стала. Хотя плохо представляла, какой отдых получится у нее самой в деревне. Там ведь и готовить придется, и убираться, и на занятия с сыном время находить...

— За Андреем я пригляжу. Будем с ним на речку каждый день ходить, в мяч играть, в лесу ягоды и грибы собирать.

— В июле? Будут ли грибы?

Марк усмехнулся, мол, много ты, «городская», в грибах понимаешь. Людмила обиделась, хотя и совсем немного — можно сказать, почти и нет. Но, как бы там ни было, спорить с мужем больше не стала.

Андрей воспринял идею поездки в деревню с воодушевлением. Кинулся собирать вещи, не обращая внимания, что до поездки оставалось еще больше месяца. Суетился весь вечер! Потом Людмиле это надоело, и она посоветовала сыну сходить в библиотеку.

— Возьми книгу про грибы и ягоды подмосковные. Пока мы с папой на работе будем, ты как раз все успеешь прочитать.

— Точно! И занят будешь, — кивнул Марк. — Раз уж в лагерь ехать не захотел, не теряй времени дома. Целый месяц

— это о-го-го!

Но от того ли, что книга попалась Андрею интересная, или от того, что июнь выдался солнечным и времени на хандру не нашлось, месяц пролетел незаметно. И вот Марк, Людмила и Андрей очутились на пороге старого деревенского дома.

— Совсем покосился, — заметила Люда.

— Так... Не беда! Поправим, — улыбнулся Марк, с трудом открывая просевшую дверь в избу.

Изнутри пахнуло старостью, сыростью и плесенью.

— Андрюша, посиди на крыльце с вещами, — велела Люда. — А мы с папой поглядим, сможем ли тут хотя бы на ночь остаться.

Оставленный без присмотра мальчик очень скоро заскучал. Особенно скучно ему было сидеть, поэтому он встал. Вышел на дорогу. Приметил ровесника на крыльце соседнего дома и поздоровался.

— С города что ли? — сплюнув на землю шелуху от семечек, поинтересовался новый друг Лешка.

— Из города.

— Бабки Марфы родня?

— Правнук.

— На речке уже был?

— Нет.

— О! Так пошли! А то мне как раз не с кем, а одному — неохота. Ты плавать-то умеешь?

— Умею. В бассейне научился.

Услышав про бассейн, Лешка хмыкнул не то с завистью, не то с насмешкой. А потом в самом деле пошел на реку! Один, без сменной одежды и полотенца!

— А зачем полотенце-то? Солнце греет, — мальчик вновь хмыкнул и добавил: — Иди, своим скажи, что прогуляешься с другом. Я за углом подожду.

Родители отпустили Андрея без лишних вопросов. Даже порадовались, что он так быстро нашел друга и интересное занятие.

— Только курить не вздумай!

— Марк!

— Лишним не будет предупредить. Знаю я местных пацанов...

— Лучше бы ты своего сына знал, — вздохнула Люда, совершенно уверенная в том, что Андрей глупостей делать не будет.

И оказалась почти права. Когда Лешка предложил подшутить над спящим пастухом Митричем, Андрей отказался. Когда Лешка предложил залезть в крайний в деревне сад и надрать вишен, недовольно скривился. Когда Лешка предложил не делать крюк к купальне, а нырнуть в реку прямо с моста...

— Нырнуть?

— Чо? Боишься?

— А здесь точно глубоко? Ведь если мелко, можно об дно

удариться...

— Все наши отсюда ныряют! — рассмеялся Лешка.

Скинул одежду и рыбкой сиганул в прохладную воду. Через пару мгновений его мокрая голова показалась ниже по течению.

— Ну? Давай! Чего время тянуть?

«А, в самом деле, зачем?» — подумал Андрей. Плавать он умел, нырять — тоже. Только не рыбкой, а солдатиком, чтобы вода в нос не затекала...

С гипсом на сломанной ноге Андрей провел оставшиеся два месяца лета. Разумеется, ни о каком сборе грибов и ягод и играх с мячом речи все это время быть не могло. Да и в целом о деревне. Сразу из травмпункта родители увезли Андрея в город, где он оказался запертым в четырех стенах однокомнатной квартиры с книгами, журналами и собственными мыслями.

Отпуск родители отменили, чтобы использовать позже, когда обстоятельства сложатся более удобно для отдыха. Но Марку удалось договориться, чтобы ему сдвинули рабочий график на один час. Он начал уходить на работу в шесть, когда жена и сын еще спали, и возвращаться к пяти, чтобы перед ужином успеть погулять с сыном.

— А все-таки не даром бабка говорила... — в одну из таких прогулок обмолвился Марк.

Проговорился, совсем не желая этого! Но любопытство Андрея уже было не унять:

— Марфа Григорьевна? Твоя бабушка? А что она говорила.

Марк попытался уйти от ответа. И так и эдак намекнул сыну, что ему не следует этого знать, но Андрей все же добился своего.

— Несчастливое имя?

— Глупости это все! — убеждая больше себя, чем сына, сказал Марк.

— И мама так думает?

Марк кивнул, совершенно не представляя, что думает жена, ведь разговоров об этом они никогда не вели.

— Не думай об этом. Как говорится, каждый сам кузнец своего счастья.

К счастью, Андрей покорно перестал думать о всяких глупостях, которые говорила старая безграмотная деревенская старуха. Да и могли ли суеверные сомнения поселиться в голове восьмилетнего мальчика? Тем более советского гражданина и отличника.

Впрочем, и в те годы, когда отличником Андрей перестал быть, к мыслям о словах Марфы Григорьевны он не возвращался. Ну, действительно, не могло же его имя повлиять на то, что он скатился до четверок по физике, а химию и вовсе знал на три? Вон Машка из 8 «Б» тоже училась на отлично, а потом...

Эх, Машка! И почему была она такой задорной красавицей? И почему как-то раз по осени угораздило Андрея пред-

ложить проводить ее до школы? Почему она согласилась?

— Может, зайдешь ко мне? Дома никого нет. Можем...
— и без того румяные щеки девчонки налились алым, — Можем химию на завтра вместе сделать. Я в ней ничего не понимаю. Объяснишь...

И почему угораздило Андрея ляпнуть в ответ, что он тоже ничего не понимает? Зачем предложил он девушке обратиться за помощью к Сереге из 10 «А»? Да, парень на золотую медаль шел. Да, знал все на отлично...

— Андрюш? Ты чего сам не свой? — как-то вечером спросила Людмила.

Она только вернулась с работы и в гулкой тишине квартиры отчетливо услышала всхлип со стороны кухни, где сын обычно делал уроки. Разумеется, когда мать вошла на кухню, ничто на слезы не указывало: Андрей занимался, прилежно конспектируя заданный параграф учебника по химии.

— Случилось что? С учебной проблемы или...

Вдруг Андрей перестал писать и со всей силой стукнул ручкой по столешнице. Люда вздрогнула. Испугалась, конечно, за сына, но сочла за лучшее промолчать, давая ему собраться с мыслями.

— Мам, слушай, может, мне уйти из школы по окончании этого года? Ну его, этот институт. Поступлю в техникум...

Людмила только и успела, что откреститься от слов сына. Что еще за глупости? Не так уж плохо учился Андрей, чтобы бросать школу после восьмого класса. Химия ему не да-

валась? Так можно же помощи у кого попросить!

— Раиса Степановна — ну, ты знаешь ее, коллега моя — как раз предлагала. Дочка ее на втором курсе химического факультета МГУ учится. По выходным приезжает домой и не прочь подзаработать на занятиях.

Людмила погладила сына по взъерошенным волосам.

— Ты можешь претендовать на большее, чем техникум. Голова у тебя светлая. Так что забудь об этих глупостях.

Андрей шмыгнул носом, с трудом сдерживая слезы. Не рассказывать же матери о том, что не в школьной химии дело, что он в школу из-за Машки ходить не хочет. Что Серега девчонке все так понятно объяснил, что она на Андрея и смотреть теперь не хочет. Что сердце ноет каждый раз, когда он про Машку думает — про то, что в кино с ней мог бы он, а не Серега ходить...

Взгляд упал на учебник по химии. Сердце кольнуло, будто острием ножа.

— Может, я тогда хотя бы не в технический пойду?..

— А куда?

Андрей пожал плечами. Действительно, куда он, сын уважаемых специалистов с градообразующего завода, мог податься кроме технического ВУЗа? Не на филфак же. Хотя и жаль. Читать Андрей умел и любил с того самого лета, когда два месяца провел в гипсе.

Дочь маминой подруги помогла решить дилемму. Через два года, по окончании школы Андрей поступил в институт.

Не в МГУ. И даже не на дневное. Но разве это важно? Напротив, это было даже хорошо! Живя один в столице, Андрей мог не только учиться, но и зарабатывать.

В середине августа молодой человек устроился техником в исследовательский отдел завода вроде того, что был в его родном городе. Начальник отнесся с пониманием к трудностям жизни нового подопечного и работой юношу сильно не нагружал. А когда началась учеба, случись у Андрея необходимость сделать в рабочее время институтское задание, так и вовсе помогал. И — удивительное дело! — подкрепленные практикой и чужим опытом теоретические знания отлично начали укладываться в светлой голове.

В конце первого курса Андрею предложили перейти на дневное обучение, как лучшему студенту вечернего потока. Однако молодой человек отказался. Его полностью устраивала жизнь, которую он вел.

— Зря, — фыркнула Катя — студентка дневного отделения второго курса, подрабатывающая на кафедре помощником секретаря. — После дневного легче в аспирантуру поступить.

— Я не планирую в аспирантуру, — признался Андрей.

Катя захлопала пушистыми ресницами. Она искренне не могла понять, зачем, в таком случае, молодой человек учится на отлично?

С Катей Андрей пересекся еще пару раз за время летней сессии. А потом вдруг встретил ее на заводе: девушку на-

правили туда для прохождения производственной практики. Слово за слово...

Через год Андрей позвал Катю замуж. Не то, чтобы она сильно нравилась ему... До Маши ей было ой как далеко! А напористость и требовательность Екатерины Павловны, как в шутку называли ее одноклассники и друзья, временами даже раздражали. И все же именно предложение показалось Андрею логичным развитием их отношений.

Катя предложение отклонила:

— Ну, какая семейная жизнь, если мы оба учимся? Пусть хотя бы один корочку получит.

Андрей не стал спорить.

И когда Катя закончила институт, а о свадьбе и думать забыла, он тоже промолчал. К чему было говорить о семейной жизни, если все мысли девушки были заняты поступлением в аспирантуру?

Лишь когда Андрей сам получил заветную корочку, он напомнил предложение и их уговор. И, делать нечего, Екатерина Павловна согласилась.

К тому времени оба работали на заводе, от которого «по случаю» молодой семье выделили отдельную квартиру. Можно было подумать, что совместная жизнь благоприятно подействует на давних возлюбленных. Но нет. Вышло все наоборот: к совместной жизни друг с другом ни Катя, ни Андрей оказались не готовы.

Катя постоянно ворчала, что вынуждена отвлекаться от

диссертации на бытовые мелочи: готовку, стирку, глажку. За глаза обвиняла Андрея, что он не заботится о ней, как ее родители.

Андрея раздражало, что жена совсем не следит за чистотой и порядком в доме. Его мать могла купить еды в кулинарии, отнести вещи в прачечную, но полы помыть и пыль протереть никогда не ленилась. Его отчий дом всегда был похож на дом, а не на ночлежку!

Отдельным камнем преткновения для молодой семьи и их родных стали дети. Между собой Андрей и Катя договорились, что сперва «притрутся» друг к другу, что Катя защитит диссертацию и получит степень, а уже потом они займутся расширением семьи. Но ни свекровь, ни родная мать девушки никак не оставляли попыток ускорить этот процесс.

— Я не желаю больше слышать никаких вопросов на эту тему! — бесилась Катя каждый раз, когда имел место очередной намек на необходимость рождения внуков.

«И, действительно, при таком раскладе, в такой нервной обстановке куда с детьми торопиться?» — вздыхал Андрей.

Мучился и терпел. Надеялся и верил, что после защиты Катя успокоится, одомашнится и все у них наладится. Да и могло ли быть по-другому? Раз уж столько лет держались они друг друга, глупо было все заканчивать сейчас.

Однако после защиты мало что поменялось в их жизни. Ну, кроме того, что написание диссертации перестало быть препятствием для рождения ребенка. И после пары без-

успешных попыток Катя забеременела.

Эйфория от радостной новости помогла Андрею и Кате продержаться без ссор и скандалов все девять важных месяцев. Даже несмотря на бесконечное Катино ворчание:

— Нет, ты представляешь? Эта дрянь заявила, что я старая для родов! Я! Старая! Мне всего двадцать семь...

— Уйди от меня с этим мясом! Меня тошнит всю неделю! Неужели непонятно, что я не буду есть?

— Ей не нравятся мои анализы. Ха! На свои бы лучше посмотрела! Представляешь, оказывается у моей врачихи своих детей нет. По виду ей лет сорок — теперь понятно, почему она так к девочкам лезет со страшилками. Да она просто завидует нам!

И все же последний месяц дался Андрею и Кате непросто. По ночам Катя не высыпалась: мешали тренировочные схватки. Днем дремала. А потом вдруг вздрагивала, просыпалась и тут же с головой окуналась в истерику: хотела поскорее родить, жалела, что откладывала беременность. Ведь с ребенком она бы спокойно села в самолет — не побоялась бы перелета как будучи беременной на девятом месяце. И тогда она бы смогла вместе с коллегами за бугор махнуть! С ее ученой степенью, с ее опытом... Да, она плохо знала английский язык, но она бы быстро ему научилась!

— Не обижайся на нее, — утешала сына Людмила. — Она ребеночка вынашивает. Родит, волнение уляжется, и все будет хорошо.

Андрей кивал. Не верил, но кивал. Мать ведь не знала, что у Екатерины Павловны всегда был сложный характер, что всегда она хотела большего. А сейчас ей не надо было знать об этом. Отца ведь второй раз за месяц в больницу по скорой увозили. Прямо с работы. С подозрением на инфаркт. Чем добавлять матери горестей, пусть немного порадуется, что скоро внук или внучка появится.

Роды прошли у Кати легко. В срок, после восьми часов схваток на свет появилась очаровательная Мариночка. Ростом в пятьдесят два сантиметра, весом чуть более трех с половиной килограмм.

— Спасибо! — в сердцах воскликнул Андрей, когда жена позвонила из роддома.

И неожиданно услышал в ответ:

— Тебе спасибо. Ели бы не ты, ее бы не случилось.

Андрей с недоверием посмотрел на телефонную трубку. Его ли Екатерина Павловна была на том конце провода? Не ошибся ли кто номером?

Радость от рождения ребенка позволила молодой семье прожить в мире и согласии еще три месяца.

— Катюш, ты пойми, ситуация сейчас в стране такая. Я же не по своей воле. С меня требуют провести сокращения: открытым текстом говорят, что из работающих супругов должен остаться только один. И если тебя не уволить, то придется твоего мужа. Так он работает, а ты просто числишься. Да и до твоего декрета он ведь больше тебя получал... Да и не

все ли равно, в каком статусе до трех лет в декрете сидеть? А там, глядишь, все наладится... Я тебя обратно приму! — уговаривал начальник Екатерину Павловну написать заявление «по собственному», чтобы не портить трудовую книжку.

Сидеть с Мариной в декрете до трех лет Катя не планировала. Но до полутора, когда девочку можно будет пристроить в ясли, нужно было как-то дотянуть. Если Андрея уволят, новую работу он быстро не найдет. Время такое. И на что тогда жить?

Подумав еще пару дней, Екатерина Павловна все же согласилась на предложение начальника. И с этой поры житья Андрею больше не давала — всю свою энергию, весь свой характер направила на пользу мужу:

— Зря ты в аспирантуру не пошел. Сейчас бы тебе большая польза от этого была. Мне Светлана из сорок восьмого отдела рассказывала, что у них начальника заменили именно по тому, что у него ученой степени не было. Это ведь только рассуждают все про бизнес и собственное дело! А по факту всем не просто умные люди, а ученые с корочкой нужны.

— Начальника в сорок восьмом заменили по тому, что Николай Петрович как раз таки дело свое открыл. Купил газетный ларек у метро. И на работу начал «забивать», потому что — по его собственному утверждению — имеет от киоска больше толку, чем от своей ученой степени. Потому что ум и смекалка корочками не меряются.

Однако Екатерину Павловну так просто было не остано-

вить и, тем более, не переубедить. Истинной причины Андрей не знал, но к ученым степеням девушка питала особое уважение и расположение. Возможно, из-за наличия таковых у родителей. Или из-за того, что слишком много сил вложила в собственную.

«А, может, во всем виновата профессорская квартира¹?» — вздыхал Андрей, когда Катя не видела.

Вздыхал и терпел.

Терпел и вздыхал.

Еще немного...

Еще чуть-чуть...

Но, нет. После того как уволился непосредственный начальник, повышения на работе ему так и не дали. И Екатерина Павловна со свойственным ей упорством списала все на отсутствие злосчастной корочки.

— А, что б тебе! — вспыхнул было Андрей.

Взглянул на жену, смотревшую на него с прежним упрямством и уверенностью...

На следующий день он собрал документы и подал заявление в отдел аспирантуры родного предприятия. Не лучшее место, куда можно было пойти учиться: жизни в том отделе почти не было — едва теплились остатки. Зато заветную корочку можно было получить без отрыва от работы и почти без усилий.

Спустя три года, положенных на обучение в аспирантуре,

¹ Андрей имеет в виду квартиру из к/ф «Москва слезам не верит» (1979 г.)

у Андрея набралось достаточно материала для диссертации.

— Не тяни. Пиши, — при любом удобном случае «пинала» супруга Катя.

А случай выпадал нередко. По окончании декрета на старую работу к прежнему начальнику Катя возвращаться не захотела. Другую («нормальную» — где по достоинству бы оценили ее ученую степень) не нашла, поэтому устроилась переводчиком в строительную контору и со словарями в обнимку занималась нехитрым делом на дому: и деньги зарабатывала, и английский учила, веря, что однажды с его помощью окупятся ее вложения в собственную диссертацию.

— Так я и не тяну, — отмахивался в ответ Андрей.

— Дома пиши. Я тебе помогу, если хочешь. Могу перепечатывать все, редактировать...

— Когда тебе? У тебя и переводов полно, и по дому дел много. И Марина постоянно болеет, сад пропускает...

Катя недовольно кривила губы, ворчала на мужа. Иногда ругалась, да так громко, что будила Марину! Девочка приходила на кухню в слезах и жаловалась, что за стеной опять волки тявкают. За волков она принимала родителей — спроне и не такое может привидеться.

Успокаивал дочь обычно Андрей. Кате и самой требовалось приходить в себя после их ссор.

«На черта мне сдалась эта аспирантура? — думал Андрей в те минуты, когда в полумраке гладил дочь по светлым кудряшкам. — Неужели кроме как ученой степенью и началь-

ством успех не измеряется? И ладно бы еще я мало зарабатывал. Так ведь на все хватает: ни Катя, ни Мариночка ни в чем не нуждаются».

День ото дня предательская мысль зрела в его голове, пока в один из ясных весенних дней он не подошел к коллеге и не сказал:

— Степан, а ты ведь в аспирантуре учился. Чего же диссертацию не защитил потом?

Степан был младше Андрея почти на пять лет, к тому же работал под его неформальным руководством, поэтому не удивительно, что вопрос смутил его:

— Так... темы не нашел.

— Вот как. А ту, которую мы закрыли в прошлом году, почему взять не хочешь?

— Так... вы же ее взяли для своей диссертации...

Через пару недель по своим «каналам» Екатерина Павловна узнала, что Андрей передал все наработанные материалы Степану. Случился большой скандал. Она даже разводом мужу пригрозила! Однако потом передумала. На переводах она неплохо зарабатывала, но ими одними ребенка ей на ноги было не поставить: квартирой не обеспечить, учебу в институте не оплатить (случись такая необходимость). А другую работу пока глупо было искать. Катя все еще часто болела, подхватывая каждый чих в детском саду. Кто будет рад постоянным больничными сотрудницы? Да и позже... гораздо удобнее было бы продолжать работать на дому: Катя в шко-

ду пойдет, и одну ее не отпустишь — не то время, чтобы маленький ребенок мог спокойно по улице бегать.

Екатерина Павловна ограничилась обидой. Разумеется, ни о каком уважении к мужу с этой поры речи быть не могло. Только на людях Катя вела себя с ним ласково и дружелюбно. Да еще при Марине: все-таки Андрей был ее отцом и весьма неплохим, так что не стоило портить их отношения.

Устраивала ли такая жизнь Андрея? Он не задумывался. Зачем? Иной он все равно жить не мог.

Когда Марине исполнилось десять лет, Катя поняла, что пришло время перемен. Дочка стала самостоятельной: больше не было необходимости водить ее в школу и в студию танцев. Разогреть обед Марина тоже уже могла сама.

— Я работу новую нашла. В иностранной компании, — как-то вечером сообщила Катя мужу.

— В иностранной? — Андрей с опаской покосился на жену.

Уж не решила ли она осуществить давнюю мечту и махнуть за границу? Сама-то ладно, но ведь она могла увезти Марину!

— Да. Буду заниматься устными и письменными переводами для директора московского офиса. На собеседовании уже была, мой уровень английского их вполне устроил. Не зря столько лет практиковалась.

— Поздравляю, — не слишком весело обронил Андрей. Вспомнил ее прежние рассуждения о диссертации... И ни

о чем не спросил. Зачем беречь старую рану? А если раны никакой не осталось, то тем более стоило промолчать и не нарываться на очередной выговор, мол, ей хотя бы хватило ума ученую степень получить, а он даже на такое оказался не способен.

Спустя два года никаких отношений между Екатериной Павловной и Андреем не осталось. Из мужа и жены они превратились в сожителей. Разговор о разводе был вопросом времени, и только возраст Марины останавливал обоих: двенадцать лет — очень коварное время.

К счастью, Марина все видела, все знала и все прекрасно понимала. Так что идею предков восприняла относительно спокойно.

— Меня как поделите? Попролам? — усмехнулась девочка.

— Со мной будешь жить. К отцу на выходные приезжать,
— ответила Катя.

— Понятно.

Марина ушла к себе в уголок. Катя сдержанно улыбнулась:

— Ну вот, а ты говорил, что она еще маленькая. Уж лучше порознь, чем так, как мы живем.

Андрей промолчал.

— Не согласен?

— Марину бы спросить, с кем она хотела бы жить.

— Даже если и с тобой...

Катя не продолжила, но Андрей и без того отлично прочитал на ее лице все, что было подумано: «С тобой? С неудач-

ником? Ну, уж нет!»». Да, просто добрый и ласковый отец Марине больше не был нужен. Выросла. Теперь от отца требовалось еще и подавать пример, и мотивировать.

Не подойдя к дочери, Катя ушла на работу. Шеф вызвал на какое-то выездное совещание, хотя день был выходной.

Закрыв за женой дверь, Андрей вернулся в комнату и присел на кровать к Марине. Девочка плакала, уткнувшись лицом в подушку — от стойкости и понимания не осталось и следа.

— Поплачь, милая. Если хочется, поплачь.

Казалось, с теми слезами Марина выплакала всю боль. Смирилась, приняв волю матери и новые жизненные условия. Однако, когда девушке исполнилось восемнадцать, ее, тихую и покорную умницу-отличницу, будто подменили. На следующий же день после торжества она забрала документы из Бауманки, куда поступила на бюджет, где весьма недурно отучилась почти год и чем так гордилась Екатерина Павловна. На второй день явилась к отцу с вещами и заявила, что обременит его своим присутствием только на одну ночь.

— Я бы не обременила вовсе, но на сегодня билетов не было.

— Билетов? Ты уезжаешь? Куда?

— Недалеко, па. Не бойсь! Всего лишь в Питер.

— На выходные? С друзьями?

— Нет. Одна и насовсем. В Институт кино и телевидения буду поступать. Правда, скорее всего, уже в следующем го-

ду. Профильные ЕГЭ не успеваю в этом сдать. А до тех пор куда-нибудь устраюсь и деньги на съемную квартиру заработаю, чтобы Гришкину сестру не слишком долго стеснять. Помнишь, я тебе про Гришку рассказывала?

— Это который...

— Конспекты мои по ошибке стащил, — закивала Марина. — Его сестра Лена в Питере живет. Он уже с ней обо всем договорился. Она меня на вокзале встретит. Одна и без крыши над головой не останусь!

На третий день из контактов с Мариной у ее родителей остался только номер выключенного телефона.

— Это все ты! — с порога заявила Екатерина Павловна, явившись к бывшему мужу. — Чем ты ей мозги по выходным забивал? Бауманку бросила ради... Ради чего? Всю жизнь себе сломала!

Андрей ничего не ответил. Чем винить друг друга не лучше ли было попытаться связаться с Мариной и узнать, что у нее происходит? Нет, разумеется, в порядочности дочери Андрей не сомневался, но все же она уехала одна в чужой город...

На пятый день мысли о дочери ушли на второй план. Андрею позвонила мать. Вести из родного города пришли ожидаемые, но от этого не менее печальные: умер отец.

— Знаю, что у вас там своих проблем хватает, но все-таки, может, сможешь на пару дней вырваться? С похоронами поможешь...

— Откуда ты знаешь про наши проблемы? — немедленно поинтересовался Андрей. Он родителям ничего не говорил про выходку Марины, как раз боясь расстроить и без того еле живого отца.

— Так Катя звонила еще пару дней назад. Спрашивала, нет ли у нас Марины.

Андрей уехал в тот же день. Один: Катя наотрез отказалась, с Мариной связь установить не смогли.

Вечером вошел в дом своего детства, обнял мать. Вздыхнул. Отца в прихожей он давно уже не видал. Последний год тот совсем слег. Однако даже обнять его, лежащего в кровати, всегда было радостно.

После похорон Андрей с матерью решили прогуляться. До дома пешком было около часа, Людмила заверила, что дойдет.

— Андрей? — почти у самого подъезда окликнули его.

Обернувшись, Андрей увидел давнюю знакомую. С седой в волосах, с веселыми морщинками вокруг глаз, но все такую же сочную и яркую Машку.

— Сколько лет, сколько зим!

Машка бросилась было обниматься, но на полпути сообщила, что Андрей и его мать явно не просто так одеты в черное и пыл померила.

— Я пойду, — предложила Людмила. — А вы поболтайте. Давно не виделись. Да и погода хорошая, — она подняла голову вверх и прищурилась от яркого солнца.

Андрей с Машей проводили Людмилу взглядами до подъезда, после чего Маша кивнула на лавочку на детской площадке.

— Боюсь, моя мелочь что-нибудь учудит без присмотра, — улыбнулась женщина. Заметила складку между бровей Андрея и пояснила: — Младший сын, Коляка. Шесть ему — самый опасный возраст! Энергии много, а ума еще нет.

— Моей Марине уже восемнадцать.

— Одна она у тебя?

Андрей кивнул. Машка как-то странно крикнула, а потом широко, горделиво улыбнулась:

— А у меня Коля — пятый!

А потом она вдруг смутилась, понурилась и куда-то в сторону сказала:

— Не знаю, правильно ли это, но я всегда тебе спасибо сказать хотела. Если бы ты тогда не предложил мне к Сереге за помощью обратиться...

Андрей задержался в родном городе еще на пару дней. Пытался уговорить мать уехать с ним, но не вышло.

— Зачем я тебе мешать буду? Ты ведь еще молодой. Может, еще встретишь кого.

На вокзал поехали вместе. И если бы не мать, Андрей бы ни за что не встретился с еще одним давним знакомым — просто не узнал бы его.

— Ты прости, что так вышло тогда, — хмыкнул Алексей. — Я тогда знаешь, как перепугался? Нырнул и не всплыва-

ет... А дома мне влетело так, что до сих пор на погоду заднее место болит!

— После того, как ты ногу сломал, всем деревенским запретили с моста прыгать, — пояснила Людмила. — Кто знает, может, не только пару ног, но и пару жизней тем самым спасли.

— Если так, то мою в первую очередь! — усмехнулся Лешка. — Я там главным завсегдаем был!

По возвращении в Москву Андрей обнаружил Екатерину Павловну на площадке перед квартирой.

— Она пропала! — взволнованно выпалила Катя, имея в виду, конечно, Марину.

— Помню.

— Нет, ты не понимаешь! Она съехала от Лены, и та не знает, куда!

— То есть ты выяснила, где живет Лена, пообщалась с дочерью, и она опять пропала?

Катя недовольно поджала уголки губ.

— Ну, конечно! Гораздо лучше было ничего не делать!

«Как ты», — явно хотела, но не осмелилась добавить Катя. Все-таки похороны отца нельзя было назвать ничегонеделанием.

— Если что-то выясню, сообщу, — бросил Андрей и закрыл дверь в квартиру прямо перед носом бывшей жены. Он был совсем не в том настроении, чтобы общаться с ней.

К Новому году Марина прислала отцу поздравительную

открытку без обратного адреса. В августе позвонила с телефона в кафе, чтобы обрадовать: она поступила, куда мечтала.

— На бюджет! И даже получила место в общежитии! Так что теперь можно будет меньше работать и больше радоваться взрослой жизни.

«Радоваться взрослой жизни... Ох!» — подумал Андрей, а вслух спросил:

— Может, тебе денег перевести?

— Не надо, па. Если хочешь помочь, ты просто маме не говори, что у меня происходит.

— Как же так? Мариночка, она же волнуется.

— У меня все хорошо. А про остальное молчок. Не хочу, чтобы она заявила сюда и скандал закатила.

Около двух лет Андрей общался с дочерью таким же образом. А потом она появилась на пороге его дома. Не одна. С тем самым Гришей, что помог ей в свое время.

— Андрей Маркович, я, как вы понимаете, не просто познакомиться пришел. У нас с Мариной все серьезно...

Андрей нахмурился, но напрасно. Брак оказался по любви, а не по необходимости: забеременеть до свадьбы Марина не успела. Да и потом все у них с Гришей как-то не складывалось: Марина не уточняла причин, а Андрей не приставал с вопросами, чтобы не расстраивать. Лишь на двадцать восьмом году жизни дочери Андрей наконец обзавелся гордым статусом «дед».

После свадьбы Марина и Григорий жили между Москвой

и Петербургом, по необходимости переезжая в нужный город. Незадолго до родов купили квартиру в Петербурге, откуда Марина и позвонила отцу, чтобы сообщить радостную новость о появлении его внука на свет.

— Не хочу, чтобы мать лезла в мои дела. Устала, — объяснила Марина окончательный выбор места жительства и свое нежелание видеть родных в гостях в ближайшее время.

— Она же мать, волнуется за тебя...

— Знаешь, па, я все думаю, — невпопад перебила девушка, — что было бы, если бы я тогда с тобой осталась?

Кто же мог это знать? С одной стороны, не было бы у Марины нужды уезжать из Москвы. С другой, не было бы причин просить помощи у Гриши. А с Гришкой у дочери как будто все неплохо сложилось.

Через год мнение Андрея ничуть не поменялось. Да, он редко видел дочь и внука, но лучше уж так, чем не видеть их вовсе или знать, что Марина несчастна. Именно об этом думал мужчина, бредя под покровом вечерней темноты по заснеженной парковой тропинке, пока взглядом не уперся в спину девушки примерно тех же лет, что его дочь.

Вязаная шапка, объемный белый пуховик, широкие штаны и нелепые ботинки... Андрей вздохнул, вновь возвращаясь мыслями к Марине. Похожие ботинки она себе по осени купила — хвасталась обновкой, когда приезжала. А Андрей все никак понять не мог, откуда взялась эта мода на толстую подошву? Не гнется ведь ступня — вредно так хо-

дить да и неудобно. Современная мода вообще казалась Андрею крайне непрактичной. Тот же объемный пуховик — нелепейшая вещь! Впрочем, стоило Андрею повнимательнее присмотреться к девушке, как он понял, почему на ней была такая объемная одежда:

«Ребеночка ждет! Ох, тяжело ей в такую погоду гулять. Эта каша под ногами... Чуть не падает!.. Наверное, к трамвайной остановке идет. Предложить бы помощь, но неудобно. Подумает еще, что старый маньяк, испугается...»

Как он и предполагал, выйдя на главную аллею, девушка свернула вправо, к выходу из парка, возле которого располагалась трамвайная остановка.

«Пожалуй, и я домой доеду. А то ноги подмерзать начали...»

Переходить пути Андрею не надо было, и он пошел к павильону. Девушка же остановилась перед рельсами. Чтобы посмотреть по сторонам? Нет, телефон зазвонил. В карман полезла, достала и пошла дальше. А трамваи зимой тихо ездят, и белый пуховик на фоне снежных сугробов почти не различим...

Как изловчился добежать до нее, схватить, повалить на себя, чтобы не ударились, Андрей не понял. Зато очень быстро и совершенно ясно осознал, что врут все в кинофильмах: падать на снег, да еще и быть придавленным сверху другим человеком очень болезненно! Человек-то, который сверху падает, не выбирает, куда локтем упереться, ударить.

— Жива? Вот ведь!.. В телефон уткнулась. А по сторонам посмотреть? — это водитель трамвая выскочила из кабины, чтобы убедиться, что беды не случилось. — Ох, ты! Еще и беременная!

После неожиданного открытия, женщина ругаться перестала. Протянула руку, помогая девушке подняться. Андрей от помощи отказался, перекатился на бок и на ноги встал сам.

— И сзади, в капюшоне снег, — водитель помогла Андрею привести одежду в порядок. — Ну, ладно. Если ко мне претензий нет, я пойду? А то там люди... Смотрят... Да и время позднее...

— Да, да, конечно, — возможно, это было неправильно, но Андрею показалось, что чем меньше будет внимания к пострадавшей, тем лучше.

Сама девушка наблюдала за происходящим молча. Наконец, когда трамвай уехал, понимание случившегося накрыло ее, и несчастная разревелась.

— Нигде не болит? — уточнил Андрей. — Пойдем, посидишь на остановке, воздухом подышишь без лишних свидетелей.

Девушка кивнула.

Как потом узнал Андрей, звали ее Вероника. Ждала она первенца. В злосчастную минуту ей позвонил муж, пришедший домой и «потерявший» загулявшую в парке жену. С мужем Андрей познакомился в тот же вечер. Он примчался,

едва узнав о случившемся.

А спустя неделю Андрею позвонила мать Вероники и попросила о встрече:

— Знаю, денег в благодарность вы не возьмете, но позвольте хотя бы угостить вас кофе.

Сам не зная зачем, Андрей согласился. Наверное, его заинтересовал голос женщины: мелодичный, мягкий, теплый. Отчего-то стало интересно, как выглядит его обладательница.

Они встретились в кофейне у метро. Лидия Федоровна оправдала ожидания. Как и голос ее, она была очень... уютной что ли. В адрес дочери, что немало удивило Андрея, ни единого гневного слова не сказала. Спасителя поблагодарила от всего сердца и улыбнулась:

— Ника еще пару месяцев назад сказала, что хочет сына Андреем назвать. А после случившегося у них с Олегом и вариантов других не осталось.

— Андреем? — эхом протянул мужчина.

И вдруг всплыли из дальних уголков памяти почти забытые слова отца: «А все-таки не даром бабка говорила... Несчастливое имя... Неласковая судьба...»

Андрей вздрогнул: «А ведь права была старая...»

— Не надо. Попросите ее передумать.

— Отчего же? Вам не нравится ваше имя?

Делать нечего, пришлось признаться, что от имени его одни беды: ногу сломал, Машка другого выбрала, на дневное

не прошел, степень не получил, карьеру не построил, с женой не сложилось, дочь в Питер уехала... Вся жизнь кое-как прошла! Ничего не добился, ничего особенного не сделал. Ну, пожалуй, кроме того, что Веронику и ее нерожденного сына спас.

Когда Андрей закончил долгий рассказ, Лидия Федоровна вновь улыбнулась. На этот раз лукаво.

— Наговариваете вы на свое имя, — поймав растерянный взгляд, женщина продолжила: — В том, как сложилась ваша жизнь, его вины нет. Решения всегда принимали вы, а не оно. Да, не всегда ваши решения давали те результаты, которые вы или ваши окружающие ждали, но в конечном итоге — я почувствовала это по вашему рассказу — то, как вы прожили минувшие года, вас вполне устраивает. А если это не устраивает других, то пусть это огорчает их, а не вас.

Андрей залпом допил кофе и жестом показал официантке, что заказ требуется повторить. И, глядя на пену на поверхности ароматного напитка, подумал, что Лидия Федоровна не так уж и не права. Во всяком случае, в отношении того, что его собственная жизнь вполне устраивает... Да и в том, что решения он всегда принимал сам — он и не помнил, какое нехорошее имя ему дано при рождении!

«И в том, что ожидания других... А ведь, если так подумать, никому от меня худо не было. Даже наоборот! Вон, Маша поблагодарила, когда виделись. Лешка... Кто знает? Может быть, я действительно его шею спас, когда ногу сломал?»

Катя на меня всегда ворчала, но на свою жизнь никогда не жаловалась. Да и что жаловаться? Все ведь получалось, как она хотела: диссертацию защитила, дочь родила, английский выучила, в иностранную компанию работать устроилась, за границу в командировки почти каждый месяц летает. Марина... счастлива. И в Питере живет: от нас всего четыре часа пути на поезде, а на самолете еще быстрее!»

Они просидели в кафе еще почти час, болтая о том о сем.

Через пару дней вновь встретились. Лидия Федоровна искала компанию, чтобы сходить на выставку. Андрей сумел освободить вечер, чтобы помочь хорошему человеку.

А потом...

О том, что будет потом, они решили не думать.

25.01.2024

До востребования

«Здравствуйте, дорогие мои!

Так уж получается, что коли читаете вы это письмо, нет меня уже на этом свете. Впрочем, не должно вас это никак огорчать. Жизнь моя была долгой и счастливой. Как-никак, а 88 годков прожил я. Конечно, случались в жизни моей и невзгоды, но всякий раз они завершались, и новое счастье спешило ко мне погостить.

Было мне 34 года, когда родилась у нас с Марусечкой дочка. Ты — Валенька. Не разочаровала ты отца ни разу. Спасибо тебе и самые мои нежные пожелания.

Исполнилось мне 59 лет, когда стал я дедом. Ты родилась, Кристиночка. Обожал я тебя больше жизни. Ты взаимностью мне отвечала пока не пришла тебе пора взрослеть. Стала ты с юношами гулять, да так и не нагуляла ничего. На потом отложила, как сказала Валенька. Да только пустое это. Сперва семью создавать надо, а потом, имея крепкий тыл, карьерами заниматься. Так расстроила ты деда. Не позволила правнуков понянчить. Ну, теперь это уже все не важно. Счастья тебе: полюби и полюбись, малютка моя.

Когда стукнуло мне 65, родилась у моей Валеньки еще одна дочурка. Ты, солнышко мое ненаглядное, Ульяночка. И ничто не отняло у меня твоей любви до самых последних

моих дней. Ничего ты не просила никогда, ни на что ты никогда не жаловалась, а, значит, все у тебя есть. Спасибо тебе, милая, и пусть все у тебя по-прежнему будет.

Кроме счастья семейного улыбалось мне счастье и в иных делах. Спасибо добрым людям, была у меня всегда крыша над головой: то комната, то квартира. А как Ульяночка родилась, так и вовсе целый дом нам подарили. И стали мы в нем жить-поживать, да добра наживать. Сначала комнату вторую, потом веранду пристроили. Печку переложили, второй этаж надстроили, крышу перекрыли. Имение загородное получилось — не иначе! Шумный был дом, хороший. А потом повывлетали птенчики из гнездышка, и опустело оно. Не любо стало, не красиво, не дорого.

И все же ценность в нем есть. И ценность не малая!

В здравом уме и светлой памяти, посоветовавшись со знающими людьми, продал я этот дом, чтобы без меня за него дети мои не перессорились, внуки не разругались. Ибо дом не поделишь, а коли нет его — так все мое богатство разумно и легко ложится между всеми дорогими мне людьми. Ну, а чтобы вовсе облегчить вам задачу, написал я завещание и каждому отписал то, что более всего ему пригодится.

Ты, Валенька, уже не молода (ты прости меня, любимая, за правду горькую). Дети твои выросли, на ноги встали, кто как мог. Крыша над головой у тебя есть, денег — хватает (помню, сама ты так говорила). Потому оставляю я тебе

свою библиотеку. Ты всегда на нее смотрела, да подойти боялась. А теперь бери, пользуйся, отца добрым словом вспоминай.

Мужу твоему, Валенька, оставляю я миллион рублей, чтобы смог он давнюю свою мечту осуществить — купить машину импортную. Пусть на дачу тебя катает, да ко мне как-нибудь завезет.

Все остальное свое богатство оставляю я любимым внукам поровну. А чтобы не создать им неудобства в получении, наследство высылаю почтой 17 мая сего года. Спрашивайте на ваше имя письмецо до востребования.

На этом стоит, пожалуй, закончить, дорогие мои. Главное я сказал, остальное поймется, додумается.

Нежно целую вас всех, обнимаю. Дурного про вас никогда говорить не смел. И вы старика уж не обижайте.

Всегда искренне ваш,

Матвей Григорьев»

Ульяна закончила читать письмо, и в комнате повисла напряженная тишина. Все собравшиеся — те самые люди, о которых говорилось в письме Матвея Григорьевича, — обдумывали услышанное на свой манер.

Валенька едва сдерживала слезы, прижавшись к плечу любимого супруга. Она всегда корила себя за недостаток внимания к отцу. А сейчас, после трогательных слов родителя,

ей сделалось особенно тошно. Не прошло еще и недели, как позвонили ей соседи Матвея Григорьевича и сообщили о смерти старика и о предстоящих похоронах. А она — нежно любимая дочь — так и не смогла найти средств и сил, чтобы на следующий же день отправиться в долгое и неудобное путешествие. Валенька разрыдалась, причитая, что недостойна подарка, да и от денег стоит отказаться в пользу какого-нибудь детского дома или в церковь все отнести, для нуждающихся.

Супруг Валеньки — Андрей Эдуардович — как человек крайне практичный, счел невозможным поддаваться эмоциям. И потому вся его реакция на письмо тестя выразилась в одной короткой, сухой фразе:

— Не было бы счастья...

Ульяна мяла мокрыми руками пожелтевший листок, исписанный мелким незатейливым почерком. Глаза ее покраснели, на щеках блестели слезы, уголки губ нервно подрагивали.

Кристина стояла возле окна, устремив взгляд прочь из комнаты. Солнечные лучи лениво пробивались сквозь плотный тюль, плетя затейливое кружево на ее напряженном лице.

Еще пару минут девушка размышляла, потом резко повернулась к родным и недовольным тоном произнесла:

— «В здравом уме и светлой памяти»! В этом определенно стоит усомниться.

Валенька перестала плакать, Андрей Эдуардович нахмурился, Уля стерла мокрые дорожки с лица. Удостоверившись, что все ее слушают, Кристина вновь окинула родных взглядом и к недовольству своему поняла, что поддержки пока нет.

— Определенно стоит усомниться! — повторила девушка. — Разве станет здравомыслящий человек отправлять такую огромную сумму почтой? Нашей почтой, да еще и «до востребования». Посудите сами: сколько может стоить дедов дом? Миллионов двенадцать — не меньше. Вычесть папкины копейки, так еще целый чемодан денег останется. Это же какого размера конвертик должен быть?! Неужели вы, правда, думаете, что он не привлечет внимания? Да его вскрыет первый же почтальон!

— Неправильно так говорить о людях, которых совсем не знаешь! — возразила Ульяна.

Сестра посмотрела на нее, словно на недоразвитую. В возрасте своего рассвета Уля находила компанию деда более приятной, чем компанию своих сверстников. Помимо этого имела девушка и еще один, по мнению Кристины, грешок — всех и всегда Уля пыталась оправдать. За что и получила от старшей сестры прозвище — Блаженная.

Сейчас Кристина ничего не сказала. В присутствии родителей с сестрой не стоило ссориться. Хмыкнув, девушка отвернулась к окну.

— И зачем ему понадобилось «до востребования» отсы-

лать? — пробурчала она. — Теперь придется каждый день мотаться на другой конец города.

— И ничего страшного, — вступил в разговор Андрей Эдуардович. По тону его голоса без труда можно было догадаться, что он крайне не доволен поведением старшей дочери и ее словами. — Ничего страшного — помотаешься. Может, и к нам заглянуть лишний раз соизволишь. Тебе пустяк, а нам с матерью радость. А если так напряжно — тебя здесь никто не держит. Собирай вещички и выписывайся к своему Олеженьке ненаглядному.

Кристина закусила губу. Отец, специально или нет, но умудрился затронуть самое болезненное место в ее жизни.

С Олегом девушка сошлась пару лет назад. Она заметила, что начальство косо смотрит в ее сторону из-за отсутствия у нее семейной жизни. Занимающие высокие посты люди все без исключения были замужем или имели жен. И тратили на своих вторых половинок достаточно много времени, чтобы это создавало им трудности в сверхурочной работе. А значит, сотрудник, пока еще не обремененный семейными обязанностями, мог без труда обскакать их на служебной лестнице. Никого, с кем можно было бы начать строить отношения, на примете у Кристины не было, и, словно догадавшись, что это его единственный шанс, в жизни девушки появился простой менеджер Олег. С букетом белоснежных роз и предложением руки и сердца.

Однако, даже в сложившихся условиях, приняла его Кри-

стина не сразу. Олег ухаживал за ней слишком красиво, одно за другим делал заманчивые предложения, и девушка испугалась, что нарвалась на альфонса, пожелавшего за ее счет забраться на ступеньку повыше на служебной лестнице или вовсе остановить движение на ее шее. Поэтому лишь после долгих колебаний Кристина переехала в однокомнатную квартиру Олега на окраине города. И по понятным причинам из квартиры родителей выписываться пока не спешила, да и Олег как-то не предлагал.

— Папа, не надо этих глупостей. Вы не выгоните меня. И мне не так уж и тяжело приехать к вам лишний раз.

Ульяна недовольно поджала уголки губ. Она прекрасно понимала, что пока не возникнет какая-нибудь проблема, ее старшая сестра не потрудится даже позвонить родителям.

Понимала это и Валенька. Но как всякая мать, готова была многое простить своей нерадивой дочери.

— Если времени у тебя мало будет, так ты уж не утруждай себя. Разок на неделе зайдешь, и на том спасибо будет, — вздохнула женщина. Стерев слезы, она снова тяжело вздохнула и добавила: — Прав папа. Ой, как прав! Он нас лучше нас самих знает. Хорошо, что он дом продал.

* * *

Домой Кристина вернулась уже в начале одиннадцатого. Закрыв входную дверь, девушка прислушалась к шуму в тем-

ной квартире. Из спальни доносился легкий храп. Стараясь не разбудить Олега, Кристина сняла уличные туфли и босиком прокралась на кухню. Положив сумочку на стол, она рядом бросила ключи и солнцезащитные очки. Устало вздохнув, почти в полной темноте нащупала стакан и налила минеральной воды.

Впрочем, не успела девушка сделать и пары глотков, как кухня озарилась неприятно ярким светом. Резко обернувшись, Кристина увидела виновника происшествия.

— Олег! Не надо так пугать, — озвучила она свое недовольство.

Ее молодой сожитель стоял в дверном проеме, прислонившись к притолоке, и с интересом разглядывал Кристину. Из одежды на нем было лишь нижнее белье.

— Извини, Крис. Я подумал — это воры.

— В таком случае, это какие-то ненормальные воры: половина одиннадцатого на часах.

— Да, я заметил, — небрежно отозвался Олег. — И, знаешь, в твое отсутствие течение времени заметно особенно хорошо.

«Только скандала мне сейчас не хватало...»

Вновь устало вздохнув, Кристина улыбнулась одними глазами и нежным голосом произнесла:

— Ну, извини. Согласна, я должна была позвонить, сказать, что задержусь, что поеду к родителям.

— К предкам? Зачем? — Олег прошел на кухню и, почти

не глядя, взял второй стакан. — Зачем тебе понадобилось так срочно ехать к ним? Ты была у них только в эти выходные.

Кристина кивнула. Против воли на глаза навернулись слезы.

— Что-то случилось?

Девушка вновь кивнула и едва слышно добавила:

— Дед помер. Помнишь, я тебе говорила? А сегодня мама письмо от него получила. Вроде как его завещание. Вот мы его и читали все вместе

— О как?!

Олег приблизился к возлюбленной и заключил ее в крепкие объятия. Подарив девушке поцелуй, он добился возвращения ее в спокойное состояние и продолжил:

— Трогательное, наверное, письмецо. Дед так вас всех любил...

— Да. Улька и мама даже расплакались.

— А наследство-то у него, наверное, не маленькое осталось.

— Миллионов пять моих, — покорно ответила Кристина.

Олег восхищенно присвистнул.

— Так... стало быть... ты у нас богатая невеста теперь, — с хищной улыбкой проговорил молодой человек.

— Богатая-пребогатая, — согласно кивнула Кристина. На губах ее заиграла ехидная улыбка: — Только наследство это еще получить надо. Отдать его из рук в руки — моему до-

рогому дедушке показалось слишком простым способом решения проблемы. И потому он догадался всю эту кучу денег по почте выслать.

— Все пять миллионов? — искренне удивился Олег.

Кристина высвободилась из его объятий.

— Не знаю я, — огрызнулась девушка. — Раз до этого сумел додуматься, черт его знает, до чего еще мог. Но самое поганое не в этом. А в том, что мне придется теперь регулярно мотаться на почту. Письмо непростое — нечего ему там залеживаться.

— Непростое... Золотое? — с усмешкой предположил Олега.

Кристина рассмеялась. Нежно погладила молодого человека по волосам, зевнула. И лишь после этого небрежно бросила:

— До востребования.

* * *

В отличие от сестры, Ульяна не видела ничего дурного или сложного в том, чтобы каждый день ходить на почту. Она еще училась в институте, занятия начинались в десять часов утра. И у девушки как раз было пятнадцать минут утром, чтобы после открытия почты и до поездки в институт забежать в отделение и спросить о корреспонденции на свое имя.

— Нет, милая, сегодня для тебя вновь ничего нет, — с

улыбкой отвечала ей Дарья Игоревна — старшая по званию и возрасту работница почтового отделения. Тетя Даша прониклась к молодой вежливой девушке с самого первого посещения и каждый раз была рада видеть ее.

— Ну, может быть, завтра, — скрывая печаль, привычно вздыхала Уля.

— Непременно завтра! — подбадривала ее тетя Даша.

После этого девушка выходила на улицу, смахивала остатки чувств с выразительного личика и отправлялась на автобусную остановку.

Так продолжалось всю рабочую неделю. Воскресение на почте было выходным днем.

В понедельник утром тетя Даша достала из сейфа связку ключей, в том числе и ключ от главного входа в почтовое отделение, после чего улыбнулась своей молодой коллеге Ирине:

— Придет сегодня. Я тебе точно говорю — ровно в пять минут войдет в эту дверь.

Ирина первый день как вышла из отпуска. Провела его женщина на даче с мужем и тремя неутомными мальчишками-подростками. Не то, что не отдохнула — устала от отпуска! А потому была слишком занята мыслями о насущных проблемах, чтобы рассказ Дарьи Игоревны о молодой девушке, со слезами в уголках глаз ожидающей письма от помершего деда из глухой деревни, мог растрогать ее. Ничего поэтичного в ситуации Ирина не видела, и потому лишь кив-

нула в ответ коллеге, продолжая сортировать свежую корреспонденцию.

— А я тебя уверяю — придет. Очень славная девушка. Твоему бы старшему, Славику, такую подругу, только помоложе чуть. Она бы научила его вести себя, — продолжала настаивать тетя Даша, отпирая вход в почтовое царство.

Вернув ключи на положенное место, она присоединилась к коллеге. Работа закипела, тем более что посетителей не было. И все же Дарья Игоревна не забывала поглядывать на часы. И едва стрелка переместилась на отметку пять, она замерла с письмами в руках, взгляд скользнул на заветную дверь.

— Сейчас, — зачарованно прошептала тетя Даша.

Поддавшись ее настроению, Ирина тоже отложила работу. И они вместе стали ждать.

Но прошла минута, за ней другая... Наконец стало понятно, что надеждам Дарьи Игоревны сегодня сбыться, скорее всего, не суждено. Дверь распахнулась, но в помещение вошла не милая приветливая девушка, а стройный молодой человек. Привычным жестом сняв темные очки, он подобрал ими со лба белокурую челку и огляделся по сторонам. Заметив Дарью Игоревну, едва заметно улыбнулся, после чего подошел к окошечку.

— Не подскажете, посылку сегодня можно отправить? — прозвучал вопрос.

— Почему же не подсказать? Подскажем. Можно: сегодня

и в любой рабочий день, — ответила тетя Даша.

— А долго оформлять?

— Минут пять — десять. Зависит от посылки: пока все запакуем, взвесим.

— А по деньгам до Владимира это сколько примерно будет?

— Рублей двести — триста. Точнее — считать надо, молодой человек. Цена зависит от веса, стоимости, срочности. Вам если прямо сейчас и точно надо — давайте вашу посылку. Посмотрим. А если просто так интересуетесь, вы лучше на наш сайт загляните. Там очень удобный калькулятор...

— И вообще все онлайн оформить можно, — добавила Ирина.

Посетитель виновато улыбнулся:

— Я как-то не подумал в интернете посмотреть...

— Многие не думают, а потом нас за медлительность ругают. А мы время и силы как раз на таких вот посетителей и тратим, — проворчала Ирина и демонстративно ушла вглубь помещения.

— Ира! Что ты такое говоришь?! — искренне изумилась тетя Даша. Она и подумать не могла, что отпуск коллеги прошел настолько плохо. — Извините. У нее... семейные проблемы, — чтобы хоть немного оправдать коллегу в глазах посетителя, негромко сказала тетя Даша.

— Бывает, — как будто с пониманием отозвался молодой человек.

Обронив «спасибо», он отошел в сторонку, достал смартфон и вылез на просторы бескрайней паутины.

Дарья Игоревна и Ирина вернулись к сортировке писем. В присутствии посетителя работали молча. Лишь шуршание бумаги нарушало тишину в помещении. И потому удивительно, что работницы почты не расслышали, как легко скрипнула входная дверь, и к окошку подошла Ульяна.

— Доброе утро, тетя Даша! — раздался ее звонкий голосок.

Женщина вздрогнула. Потом заметила знакомую посетительницу и улыбнулась.

— Ничего пока нет, милая. Видишь, сколько мы получили сегодня? Может быть, и пришло что для тебя. Но разобраться надо, зарегистрировать все.

Ульяна понимающе кивнула.

— Я сегодня припозднилась. Опаздываю. Значит, до завтра?

— До завтра, милая, — ответила тетя Даша.

Ирина смотрела то на старшую коллегу, то на девушку и не верила своим глазам. Мысли свои она, разумеется, держала при себе, но до последнего была уверена, что девушка — плод воображения Дарьи Игоревны, созревший на фоне одиночества и однообразия ежедневного труда.

Тем временем, поправив сумку на плече, Ульяна направилась к выходу. Тетя Даша проводила ее взглядом до двери, и вдруг заметила молодого человека, о котором успела

совершенно позабыть. Первый посетитель почтового отделения стоял все на том же месте и все также держал в руках телефон. Вот только экран телефона, насколько могла видеть Дарья Игоревна, был выключен. Да и взгляд молодого человека был направлен вовсе не на средство связи...

— Уважаемый! Вам еще требуется помощь? — поинтересовалась тетя Даша.

Молодой человек вздрогнул, едва не выронив смартфон. Растерянно обернувшись к работнице почты, произнес:

— Двести рублей девяносто копеек.

После чего впобежал на улицу.

— Куда это он так? — удивилась Ирина.

— Автобус через пару минут будет. Ему надо успеть, — лукаво улыбаясь, объяснила Дарья Игоревна.

В тот же день Ульяна вернулась домой поздно. Часы в гостиной отзвонили одиннадцать раз, когда ключ повернулся в замке, и девушка тихонько прокралась в коридор. Мать все-таки собралась с силами и уехала на родину на пару дней, навестить деда и разузнать про то, что оставил он своим наследникам. Отец, по расчету Ули, уже должен был спать. Однако ожидания ее не оправдались. Андрей Эдуардович, хоть и сонный, все еще сидел на кухне.

— Папа? Не спится?

Андрей Эдуардович пристально оглядел младшую дочь с головы до ног.

— Разве можно уснуть, не убедившись, что дочь верну-

лась домой целая и невредимая? — строго спросил он. — Мать нас с тобой оставила. Наказала хорошо себя вести. А ты что же? Ты на часы смотрела? А телефон тебе для чего купили?

— Ну, папочка, не ругайся, пожалуйста, — взмолилась Уля. — Мы ничего плохого не делали. Просто гуляли в парке...

Как и подобает строгому отцу, Андрей Эдуардович озадаченно нахмурился.

— «Мы»?

— Ой, папочка! Я тебе сейчас все расскажу! Павел замечательный человек! — Ульяна вздохнула, прижав сцепленные кулачки к груди. — Представляешь, мы с ним на почте встретились. Он здесь проездом. Купил брату подарок, хотел почтой отправить, вот и зашел спросить, как это делается. А я, понятное дело, за дедовым письмом заходила...

Не в силах более изображать недовольство, Андрей Эдуардович рассмеялся и прижал Ульяну к себе.

— Так ты влюбилась, моя милая, — с нежностью проговорил он. — Совсем уже взрослой стала. Вот Валенька обрадуется. Непременно завтра ей все расскажем!

Проговорив еще с полчаса, отец и дочь отправились спать. Вскоре Андрей Эдуардович обозначил свое состояние негромким храпом.

А вот к Ульяне сон никак не шел. Эйфория дня прошла, чувства и мечты уступили место размышлениям о реаль-

ности. Весьма жестокой реальности. Поняв, какую роковую ошибку она совершила, девушка более не смогла оставаться в кровати и отправилась на кухню. Там в шесть часов утра и застал ее отец, сидящую на стуле, со следами слез на щеках.

— Уля? Что случилось? На тебе лица нет, — обеспокоенно произнес Андрей Эдуардович.

Девушка на миг вернулась мыслями к своей беде и вновь захотела расплакаться. Но слез, вероятно, больше не осталось, и все, чего ей удалось добиться, это искривления и без того потерявшего всю прелесть лица.

— Ну вот. Не успела встретить свою любовь, как уже потеряла, — констатировал Андрей Эдуардович.

Однако Уля решительно замотала головой:

— Он не виноват, — просипела девушка. — Это все я. Я ему номер свой дать побоялась, а его — даже спросить не подумала. Папа! Что мне теперь делать? Как мне его теперь найти?

Умудренный опытом человек, Андрей Эдуардович первым делом посоветовал успокоиться. В отличие от дочери, он не видел никакой беды в произошедшем. Девочка влюбилась первый раз в жизни, и, вполне естественно, что она тяжело переживает расставание. Но лучше пусть парень так сорвется с крючка, чем бросит ее в явной форме. Ульяна слишком невинна, чтобы быть готовой к развитию событий по второму варианту.

В обоюдную любовь с первого взгляда Андрей Эдуардо-

вич не поверил еще накануне, но Ульяне, разумеется, этого говорить не следовало:

— Так! Давай вспоминай, о чем вы разговаривали вчера. Может, он что-то важное о себе рассказывал? Какие-нибудь мелочи, невзначай оброненные фразы, по которым мы определим...

— Папа! Прекрати. Ты говоришь, как следователь. А они в чем не виноват! — обиженно надула губки Ульяна.

— Ну, прости, крошка. Прости. Я ведь тебе помочь пытаюсь.

Обняв колени руками, Ульяна уронила голову вперед и прошептала:

— Мне ничто не поможет. Все, что я о нем знаю — это то, что сегодня он уезжает на стажировку в Петропавловск-Камчатский.

Андрей Эдуардович прикусил губу.

— Да... Однако... — стоит ли говорить, что подобная удаленность конечной точки путешествия Павла лишь укрепила уверенность мужчины в недобрых намерениях молодого человека.

— Все кончено, — повторила Ульяна, словно пытаюсь примирить себя с действительностью. — Не рассказывай маме и Кристинке об этом. Мама расстроится, а Крис засмеет — сам знаешь...

— Ладно, не буду, — кивнул отец и обнял совсем обессиленную от тяжелой ночи Улю.

Привалившись к его плечу, девушка мгновенно уснула. И Андрею Эдуардовичу не осталось ничего другого, как только уложить ее в кровать.

* * *

Закончив работу к семи часам, Кристина накинула на плечи пиджак и, спустя пару минут, уже стояла на верхней ступени крыльца главного входа в офисный центр. Чувствовала она себя на вершине мира: впереди целый вечер, никаких важных дел, замечательная для конца весны теплая погода.

Вздохнув полной грудью, Кристина улыбнулась и не спеша направилась в сторону автомобильной стоянки. Впрочем, не успела она пересечь небольшую площадь перед зданием, как услышала гудок и знакомый голос:

— Крис! Я здесь!

Не слишком радуясь намечающейся компании, девушка повернулась к позвавшему ее Олегу. Молодой человек был, как всегда, одет с иголочки, но не в деловой костюм. Обтягивающая футболка кисло-желтого цвета, рваные джинсы и лакированные ботинки более подходили для неформального времяпрепровождения.

Стоял Олег возле капота чужой машины: дверь со стороны пассажирского переднего сиденья была открыта за его спиной. За рулем Кристине удалось разглядеть длинноволосого парня, едва ли бывшего старше Олега. Молодой человек

знаком ей не был.

Олег махнул рукой, подзывая девушку к машине. Ничего не оставалось, как принять его приглашение.

— Здравствуй, Солнышко! — приветствовал Олег свою возлюбленную.

Улучив момент, молодой человек бесцеремонно поцеловал Кристину в губы. Девушка недовольно поморщилась. Отмахнулась от ухажера и полезла в сумочку за зеркальцем.

— Ой, Крис! Не стоит. У тебя все шикарно!

— Я хочу убедиться в этом сама, — проворчала Кристина.

Пока она приводила в порядок макияж, Олег принялся объяснять, с какой целью он тут оказался, чья это машина и чего хочет от них ее владелец:

— Это Вадим! — представил Олег своего друга. — У него сегодня ДР. И он приглашает нас в клуб немного потусить! Напитки (как он утверждает) будут за его счет.

Кристина не то, что бы с интересом, но с некоторым любопытством посмотрела на виновника торжества. Вадим кивнул ей, одновременно отсалютовав правой рукой.

— И давно вы знакомы? — без стеснения, поинтересовалась девушка. Всех друзей Олега она знала, как ей всегда казалось. Никакого Вадима среди них никогда не было.

Олег не понял или не придавал значения настороженности в ее голосе.

— Целую вечность, Крис! Мы с ним за одной партой в школе сидели. Потом хотели в институт вместе поступать,

да только Вадика в армию загребли — не успел отмазаться. Потом уехал работать в Белоруссию по контракту. Вадик — классный программист! Но не о том речь. В общем, потерялись мы как-то. А на днях в метро случайно столкнулись. Представляешь?

Кристина с неохотой, но все-таки представила сказанное.

— Ну, так что? Не обидим человека?

— А много еще народу будет?

— Человек двадцать! — подал голос Вадим. — Все уже на месте. Нас ждут.

— А моя машина?

— Крист, ну какая машина? Мы же в клуб! Такси потом вызовем.

Девушка еще раз посмотрела на Вадима, потом на Олега.

— Ладно. Уговорили.

Олег занял место на переднем сиденье рядом с другом. Кристине не осталось ничего другого, как сесть на заднее.

Дороги к вечеру уже были достаточно загружены. Автомобиль, ведомый Вадимом, медленно, хотя и верно, продвигался к намеченной точке пути. Постепенно темнело. На некоторых улицах загорались фонари. Олег и Вадим обсуждали жизнь, как и подобает давно не видевшимся друзьям. Кристина скучала на заднем сиденье. От нечего делать вылезла с мобильного телефона в интернет. Поболтала с парой подружек, посмотрела смешные видеоролики. Потом зарядка кончилась, и девушке пришлось обратить свой взор за окно.

— Олег! — вдруг опомнилась она. — Так ведь это же мой район!

— Ну, да. Ты только заметила что ли?

Девушка внимательнее всмотрелась в дома, потом взглянула на часы.

— Олег, еще не поздно — почта еще работает. Может, тормознем ненадолго? Чтобы мне завтра не мотаться сюда?

Олег посмотрел на Вадима.

— Ей дед письмо до востребования прислал. Приходится теперь на почту частенько заглядывать. Вадик, остановись, плиз. Это много времени не займет.

Водитель подмигнул пассажирке.

— Для красивой женщины я и не такое могу сделать, — ответил он с улыбкой, притормаживая как раз напротив почтового отделения.

Кристина вышла из машины, и уже через пару минут вернулась.

— Вау, какие мы счастливые! — отметил во всеуслышание Олег. — Никак пришло твое письмецо?

— Да! Все! Дождалась, — сообщила девушка.

Олег с Вадимом украдкой переглянулись.

— Вот и славно. Поедем, отметим и это дельце заодно.

Автомобиль тронулся с места. Повернул раз, потом другой. Кристина напряглась. Внимательно вглядываясь в окно, она обратилась к Олегу с вопросом:

— А куда мы едем? Разве здесь есть клуб? Насколько я

помню, на этой улице всегда были только жилые дома да пустырь в конце...

— Все течет — все меняется, Солнышко, — отозвался Олег.

Беспокойство Кристины усилилось. Непонятный друг, день рождения, ее район, куда от места их с Олегом работы ехать отнюдь не близко...

«Письмо деда!» — пронзила ее пугающая догадка.

— Остановите машину! — потребовала девушка.

Олег с Вадимом никак не отреагировали.

— Остановите! — еще громче, едва не срываясь на крик, сказала Кристина.

Молодые люди лишь улыбнулись.

Понимая, что дело плохо, девушка откинулась на спинку сидения. Никаких средств личной защиты у Кристины никогда не было. Нападение голыми руками сразу на двух крепких мужчин не могло увенчаться успехом. Оставалось только дожждаться, когда автомобиль притормозит, открыть дверь и попытаться убежать...

Как и следовало ожидать, автомобиль сбавил скорость лишь перед самым пустырем. «В самом деле, — подумала Кристина, — лучше места не найти. Огромное пространство вдали от домов. Огорожено забором и прикрыто высокими тополями от посторонних глаз. На помощь рассчитывать не стоит...»

К счастью, Олег и Вадим забыли заблокировать двери,

и Кристина смогла открыть свою прежде, чем автомобиль окончательно остановится. Девушка выскочила из машины и, не теряя времени, бросилась бежать к выезду с пустыря как раз в тот миг, когда Олег и Вадим сами выбрались из автомобиля.

Впрочем, наивно было полагать, что побег девушки в узкой офисной юбке и в туфлях на высоких каблуках от двух крепких парней может увенчаться успехом. Олег первым догнал ее и повалил на землю, не церемонясь со своей бывшей возлюбленной.

— Не дергайся, куколка! — пригрозил он, подкрепляя слова перочинным ножом, приставленным к горлу Кристины.

— Мерзавец! — прохрипела девушка.

Олег усмехнулся. Провел рукой по лбу и притворно испугался:

— Ой! Кажется, у тебя кровь сочится из раны. Какой я не аккуратный...

— Тварь!

— Потом выразишь чувства! — вознегодовал Олег и со всей силы ударил ее кулаком в живот.

Вадим, тем временем, вытряхнул на землю содержимое сумочки Крис. Когда белый конверт легко спланировал вниз. Молодые люди довольно переглянулись.

Пока Олег держал на острие девушку, Вадим вскрыл письмо, включил фонарик на телефоне и быстро пробежался

глазами по тексту. Между бровей у него пролегла глубокая складка.

— Что там? — озадаченно поинтересовался Олег.

— Читай сам.

Вадим передал листок другу. Олег также быстро пробежался взглядом по тексту письма, после чего резким движением швырнул листок в Кристину.

— Дрянь! — с нескрываемой злобой выкрикнул он.

Очевидно, пытаясь добиться моральной компенсации, молодой человек хотел еще раз ударить девушку. Но свет фар въезжающей на пустырь машины ослепил и тем самым остановил его.

— Бежим! — выкрикнул Вадим.

— Хоть слово кому скажешь... — пригрозил Олег.

И оба преступника спешно направились к брошенному автомобилю. Послышались хлопки дверей, заработал мотор, и автомобиль сорвался с места.

Словно не замечая убегающих негодяев, водитель так вовремя оказавшейся на пустыре машины продолжил движение в сторону Кристины. Не доехав до девушки метров пять, остановился. Фары не выключил.

Кристина приподнялась на локте. Щурясь от яркого света, она увидела, как из салона вылез мужчина и медленно направился к ней. Испугавшись, что он заодно с Олегом, девушка дернулась, но таинственный незнакомец поспешил успокоить ее:

— Не бойтесь! Позвольте, я помогу вам?

Кристина неуверенно кивнула. Тогда мужчина подошел к ней ближе и помог подняться на ноги.

— С вами все в порядке? — спросил он.

— Да. Спасибо, — дрожащим голосом проговорила девушка.

Мужчина протянул ей платок и кивнул на рану на лбу, мол, стоит приложить, чтобы кровь не текла так сильно. Кристина молча последовала совету.

В свете фар девушка смогла разглядеть своего внезапного спасителя. Это был мужчина лет тридцати — тридцати пяти, с мягкими чертами лица, спортивного телосложения, которое не смог скрыть даже дорогой костюм. Убедившись, что девушка уверенно стоит на ногах, он присел на корточки и принялся собирать с земли вещи Крис.

— Чего хотели от вас эти двое?

У него был очень приятный голос, и девушка почему-то подумала, что ему можно все рассказать:

— Пять миллионов, которые дед оставил мне в наследство.

Мужчина присвистнул.

— Рублей, надеюсь? — с располагающей улыбкой произнес он, возвращая Кристине сумочку.

Когда незнакомец выпрямился, их лица оказались почти на одном уровне, освещенные светом автомобильных фар. Взгляды встретились. Мужчина прикусил губу. На щеках у

девушки проступил легкий румянец.

— Вы далеко живете? Я могу вас подвезти, — предложил спаситель.

— Пару минут пешком, — вынуждена была огорчить его Кристина. Разумеется, после всего произошедшего она могла пойти только домой к родителям.

— Что ж... Значит...

Кристина шмыгнула носом:

— Спасибо еще раз. Приятного вечера, — обронила она устало.

И не дожидаясь ответа, направилась к выходу с пустыря.

Было уже совсем темно. И стоило, пожалуй, принять предложение таинственного незнакомца. Тем более что он, в отличие от Олега и всех мужчин, с которыми ей доводилось общаться прежде, производил впечатление интеллигентного человека. И все же после пережитого стресса, девушка не чувствовала в себе сил на то, чтобы испытать сегодня еще хоть какие-то эмоции. Все, о чем она мечтала — это оказаться в квартире родителей. Там — она была в этом абсолютно уверена! — для нее найдется и йод, и бинт, и, несмотря ни на что, ласковое слово.

Выйдя с пустыря, Кристина пошла к дому кратчайшим путем. Она понимала, что медлить не стоит, но все же остановилась у ближайшего фонаря. Любопытство взяло верх над осторожностью: что такого написал дедушка, что его послание взбесило Олега и Вадима? Покопавшись в сумочке,

девушка достала конверт. Забавно, ведь она даже не заметила, как ее спаситель успел разгладить и убрать внутрь пожелтевший листок:

«Милая моя Кристина!

Чтобы вы с сестрой не ссорились, кто из вас роднее мне и ближе, пишу я вам письма совершенно одинаковые, ибо равно вы мной любимы.

Долго думал я и гадал, как разделить наследство между всеми моими близкими и родными. И не только по крови — пусть это вас не огорчает! Думал я, думал и придумал. Чтобы не было меж вами вражды за дом, продал я его. А чтобы не было меж вами вражды за деньги, продал я дом за 1 миллион 100 тысяч рублей моим соседям — моим названным детям и внукам. Вы их знаете: Никитка, Светочка и многочисленное их семейство. Они добрые люди. Старик у опорой и утешением были, покуда вы в городе жили. Да и нужнее им мой дом и участок под ним. Вам, знаю, ни земля, ни строения не нужны, а денег своих на жизнь хватает.

На машину не хватало, так я как раз и оставил Андрею, сколько надо. А остальное, как и полагается людям отдал, чтобы проводили меня с достоинством и без обременения.

Но не подумайте, внушеньки мои, что вас я ни с чем оставил. Много я пожил, много разного повидал. Помню, как жили до компьютеров разных и телефонов. Не было тогда другого способа общения, кроме писем. И сколько разного с письмами в дом и в душу приходило! Вот и решил я вас этими

чувствами одарить. Чувства — они не деньги, они надолго в памяти останутся.

Надеюсь, не разочаровал, и не напрасно было ваше ожидание.

Любящий дедушка»

На глаза Кристине навернулись слезы. «А ведь прав дед, — подумала она, — не напрасно ожидание было...»

Стерев соленые капельки со щек, девушка хотела было пойти дальше, как вдруг автомобиль преградил ей путь. Кристина побледнела, хотела побежать, но водитель успел опустить окно.

— Простите, что напугал! — раздался из глубины салона знакомый голос.

Кристина наклонилась, чтобы вновь увидеть лицо своего спасителя.

— Я все же вас подвезу, — с улыбкой проговорил он.

* * *

Весь мир был не мил Ульяне. И даже старшая сестра, которая непривычно ласково с ней обращалась. В ее словах Уля особенно ясно видела заговор и полное непонимание своих чувств. Напрасно Кристина говорила, что они с ней в одном и том же положении: обе брошенные не лучшими людьми. Ульяна едва ли не с кулаками набросилась на сестру, закричав, что это ей с Олегом не повезло, а Павел вовсе не такой.

В конце концов, Кристине надоело утешать Ульяну. Девушка сцепила руки на груди и направилась к двери.

— Как знаешь, — резюмировала Кристина. — Но твои любовные неудачи не повод не ходить на почту и не получать письмо от деда.

Уля выпустила из рук подушку и с недоверием посмотрела на сестру:

— Разве письма уже дошли?

— Да, — не стала скрывать Кристина. — Я свое еще вчера получила.

Про обстоятельства получения девушка вновь благоразумно промолчала. Родным накануне она сказала, что поссорилась с Олегом и ушла от него. А травмы получила при падении, когда в темноте не заметила трещину в асфальте на тропинке у дома и угодила в нее каблуком. Кристина понимала, что если родителям или сестре станет известно о поведении Олега, они потребуют, чтобы она написала на него заявление в полицию. А ей совсем не хотелось возвращаться к прошлому. Олег свое получит и без нее — в этом девушка почему-то была абсолютно уверена.

— А что в письме было? — продолжала спрашивать Кристину младшая сестра.

— Вот получишь и узнаешь, — последовал ответ, сопровождаемый загадочной улыбкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.